

МОНСТРЫ БОСХА

Их можно увидеть в Роттердаме до 11 ноября

Ольга Козлова

ОДИН из самых известных музеев Голландии — «Бойманс Ван Бенинген», в коллекции которого есть Босх и Брейгель, Рубенс и Рембрандт, — после 35-летней паузы вновь показывает Босха. В экспозиции собрано 18 живописных работ из 25 признаваемых сегодня исследователями подлинными, кроме того, показаны все 7 подлинных рисунков Босха на фоне многочисленных рисунков, приписывавшихся ему ранее. Работы приехали из Парижа и Вены, Вашингтона и Венеции, Будапешта и Берлина. Для Роттердама, объявленного в 2001 году культурной столицей Европы, выставка работ Босха — проект амбициозный и провоцирующий на размышления. В ходе подготовки выставки сделано немало открытий. Самое главное связано со знаменитым изображением фигуры бродяги в круге из коллекции музея «Бойманс Ван Бенинген».

По традиции изображение «бродяги» считают автопортретом Босха. Сама фигура раньше воспринималась как изображение «блудного сына», затем «нищего», и, наконец, сейчас предполагают, что на картине изображен средневековый коробейник. Тондо оказалось частью триптиха, распиленного и проданного по частям в XIX веке разным покупателям. В ходе подготовки роттердамской выставки усилиями голландских реставраторов оно обрело своих прямых «родственников». Хотя центральная часть триптиха с изображением, возможно, «Страшного суда» утрачена, зато в Роттердаме выставлены обе боковые створки. На внутренней стороне левой створки были два сюжета: «Корабль дураков» (Лувр) и «Аллегория ожорства» (собрание Йельского университета, Нью-Хэвен), с правой стороны была сцена «Смерть скупца» (Национальная галерея, Вашингтон). Сам «Коробейник» был написан на внешней стороне створки и был виден средневековому зрителю, когда триптих был закрыт. Когда створки распиливались для продажи, две половинки «Коробейника» были умело соединены и проданы как единое произведение, с тех пор так и существовавшее. Благодаря методу дендрохронологического анализа было установлено, что все эти 4 произведения написаны на досках, вырезанных из одного дерева, в одно и то же время, около 1495 года (а не в 1500—1510 гг., как они датировались раньше). В Роттердаме они впервые показаны вместе.

Выставка претендует на показ «мира вокруг Босха». Не только его собственных произведений, но и культурного контекста около 1500 года в провинции Северный Брабант, и более того — влияния Босха на искусство всей Северной Европы того времени. Но и это не все. Цель кураторов — рас-

Независимая гал. - 2001 - 30 окт - с. 8.
Автопортрет Иеронимуса Босха? «Блудный сын»? «Нищий»?
Сегодня эту фигуру считают изображением «Коробейника».

смотреть еще и влияние Босха на умы последующих поколений художников, вплоть до нашего времени. Кураторы прослеживают, как «щупальцы» босховских монстров протянулись к нам из глубины веков.

Амбициозность этого проекта — в духе времени, когда модны выставки-«блокбастеры». Устроители выставки в Роттердаме попытались создать «мультимедиаальный» образ Босха, присоединив к его работам культурно-исторический контекст в виде картин и рисунков современников, фрагментов брабантской готической скульптуры, брюссельских гобеленов на сюжеты босховского «Сада наслаждений», предметов быта, с которых «срисовывал» Босх. Например, целый зал выставки занят коллекцией средневековых народных оловянных значков, которые продавались в лавочках Хертогенбоша, покупались паломниками, гостями города и самими горожанами. Сюжеты этих значков самые разнообразные: от благочестивых до откровенно непристойных.

К сожалению, дизайнеры выставки не остановились на традиционном показе экспонатов. Для усиления образности они превратили пространство выставки в лабиринт, отсылающий к картинам Босха. Идея создать ассоциативные связи между пространством выставки и работами ее главного героя, безусловно, вызывает интерес, но ее реализация роттердамским куратором явно не удалась. Большой зал сделан якобы как гигантская раковина (вспомните часто встречающийся в картинах Босха мотив раковины моллюска): на извилистой поверхности внутренней стены,

для большего эффекта выкрашенной в черный цвет, висят картины самого мастера, а по периферии в таких же извилистых закрутках расположен «контекст»: современники, ученики, рисунки и т.д. Зооморфность помещения должен усилить и сделанный под наклонами ярко-голубой фанерный пол, имитирующий внутреннюю округлость створки раковины (качество материалов, из которых сделаны пол и стены зала, мягко говоря, оставляет желать лучшего). Но самое печальное, что в этом лабиринте подойти к подлинным «жемчужинам», высаженным на черные створки гигантской «раковины», — картинам Босха не так просто: повешены они очень близко друг к другу, освещены так, что либо зритель видит картину издали (и это при любви Босха к мельчайшим деталям!), либо бронированное стекло, в которое «одет» шедевр, отсвечивает и зритель не видит почти ничего. В результате самая значимая часть выставки — показ подлинного Босха — практически провалилась. К тому же на выставке нет знаменитых триптихов Босха из Музея Прадо, Лиссабонского музея и Венской академии художеств, без которых всю полноту микрокосма Босха представить невозможно. Преследуя цели «суперпроекта», кураторы непостижимым образом умудрились превратить находящееся в их руках фактическое богатство в безвкусное и нелогичное сосуществование разных произведений, не создав при этом образа эпохи и испортив нам, зрителям, удовольствие созерцать самого Босха.

Роттердам